

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВОЗНИКШИХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (сопоставительный аспект)

Т.С. Ананьина, А.А. Тимофеева

Аннотация. В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в различных лингвокультурах возникли новые лексические и фразеологические единицы, а также понятийные элементы новой реальности и социальных практик и привычек, обусловленные изменениями в укладе жизни людей практически по всему миру. В статье анализируются психолингвистические и семантические характеристики русских, французских, английских и немецких лексических и фразеологических единиц, возникших в период пандемии COVID-19, в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: психолингвистические характеристики, семантические характеристики, пандемия COVID-19, русский язык, французский язык, английский язык, немецкий язык, сопоставительный аспект.

Для цитирования: Ананьина Т.С., Тимофеева А.А. Психолингвистические и семантические характеристики русских и европейских лексических и фразеологических единиц, возникших в период пандемии COVID-19 (сопоставительный аспект) // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 396–412. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-396-412

396 PSYCHOLINGUISTIC AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND EUROPEAN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS EMERGED DURING THE COVID-19 PANDEMIC (Comparative Aspect)

T.S. Ananina, A.A. Timofeeva

Abstract. During the COVID-19 pandemic, new lexical and phraseological units have emerged in various linguistic cultures, as well as conceptual elements of a new reality and social practices and habits, due to changes in the way of life of people almost all over the world. The article analyzes the psycholinguistic and semantic characteristics of Russian, French, English and German lexical and phraseological units that emerged during the COVID-19 pandemic in a comparative aspect.

Keywords: psycholinguistic characteristics, semantic characteristics, COVID-19 pandemic, Russian, French, English, German, comparative aspect.

© Ананьина Т.С., Тимофеева А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Cite as: Ananina T.S., Timofeeva A.A. Psycholinguistic and Semantic Characteristics of Russian and European Lexical and Phraseological Units Emerged During the COVID-19 Pandemic (Comparative Aspect). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 396–412. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-396-412

Прежде всего, необходимо отметить, что язык как таковой является мощным средством коммуникативного и информативного воздействия, позволяющим не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавать нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку. Однако в рамках собственно языкознания механизмы языкового воздействия стали обсуждаться сравнительно недавно. Философское осмысление языковых явлений ёмко отражает утверждение французского философа М. Фуко о силе воздействия образного слова: «Язык точности» совершенно необходим для «господства посредством идеологии» [1].

В данной статье мы попытаемся в сопоставительном аспекте рассмотреть психолингвистические и семантические характеристики лексических единиц (далее — ЛЕ) и фразеологических единиц (далее — ФЕ), возникших в период пандемии COVID-19 в русском, французском, английском и немецком языках.

Специфика психолингвистического подхода к вышеуказанной проблеме состоит в объяснении феномена языкового воздействия. Так, человек определенным образом предрасположен к восприятию и пониманию социума. Такая предрасположенность обусловлена наличием социализирующих структур человеческого мозга.

В области лингвистической философии данный подход реализован, например, во взглядах исследователя В. фон Гумбольдта и ряда его последователей (неогумбольдтианцев), ярчайшим пред-

ставителем которых являлся Л. Вайсгербер, считавший, что язык в целом, со всей спецификой своей структуры, способен оказывать на человека определенное воздействие [2]. Проблеме языкового воздействия на человека в широком смысле посвящена и гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа.

Напомним, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 была официально объявлена ВОЗ 11 марта 2020 года. Ряд ее последствий, в частности, многомесячный карантин практически по всему миру, прекращение международного авиасообщения, закрытие культурно значимых социальных объектов, а также экономические, культурные и психологические потрясения и изменения стали настолько существенными, что оказали влияние и на речевые характеристики носителей европейских языков. В европейских языках возникли новые ЛЕ и ФЕ, появление которых сразу же привлекло внимание лингвистов с целью их комплексного рассмотрения как с точки зрения их самостоятельной семантики, так и с позиции психолингвистики в аспекте их создания и восприятия в сознании носителей.

Так, например, в 2021 году в Санкт-Петербурге специалистами Института лингвистических исследований Российской Академии Наук был опубликован «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [3], отражающий достаточно широкий пласт ЛЕ и ФЕ, содержащих в своей семантической структуре психолингвистический аспект языкового воздействия. Исследователь И.Г. Овчинникова, под *лексикографическим* значением подразумевает словарную дефиницию, а

под **психолингвистическим** — интерпретацию данных, добытых путем эксперимента, позволяющую определить смыслы, имеющие связь со словом в сознании носителей европейских языков [4, с. 256–280.]. Лингвист И.А. Стернин полагает, что значение, формулируемое в толковом словаре в результате применения принципа редуccionизма, следует называть лексикографическим, поясняя это тем, что оно сформулировано лексикографами непосредственно для представления слова в таких словарях. При этом ученый подчеркивает, что лексикографическое значение — это искусственный конструкт лексикографов, представляющий собой некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря в качестве словарной дефиниции [5, с. 57–63].

Языковая ситуация, возникающая в период пандемии COVID-19, является поистине уникальной в связи с тем, что невероятно быстро возрастает количественная интенсивность неологизации словарного состава исследуемых в статье языков. С самого начала пандемии новые ЛЕ и ФЕ стали практически ежедневно появляться на страницах электронных и печатных СМИ, а процесс неологизации европейских языков приобрел масштабы «массовой языковой игры» [3]. Следует отметить, что большинство современных исследований, посвященных неологизмам, рассматривают такие единицы в их соотносительности с языковой системой, реагирующей на появление новых реалий, предметов, явлений и фиксирующей соответствующие номинации в словарях. Однако роль носителей языка, их индивидуальное восприятие вновь появившейся ЛЕ или ФЕ практически не принимается во внимание, за исключением ряда упоминаний об «ощущении новизны»,

которое остается недостаточно определенным и весьма субъективным критерием. Существенный вклад в развитие современной неологии сделала именно психолингвистика, в рамках которой неологизмы рассматриваются в качестве ЛЕ, не встречавшихся ранее в индивидуальном речевом опыте носителей европейских языков [6, с. 75–101]. Так, новизна является, фактически, индивидуально субъективным критерием оценки новой ЛЕ или ФЕ, что проявляется на уровне личностного восприятия носителей европейских языков и оформляется в «ощущении новизны». Отметим, что ощущение как таковое является продуктом психической деятельности людей и не может существовать вне отдельного человека. Ощущения всегда индивидуальны и сугубо личностны, поэтому «новизна» существует только в сознании носителей европейских языков. На уровне социума или коллектива следует говорить о тенденции усвоения и использования ЛЕ и ФЕ, что по мнению исследователя Н.М. Шанского является «оттенком свежести и необычности» [7, с. 168].

ЛЕ и словосочетания *локдаун*, *дистанционное обучение*, *дистант*, *удалёнка*, *санитайзер* и проч. мгновенно приобрели статус частотных, а слово *lockdown* было признано британскими лексикографами «Словом года» [3].

Так, на протяжении 2020–2021 гг. новый языковой материал заимствовался в русский язык из других языков: из англ. яз., ср.: *лайт-вакцина* (от англ. *light* — легкий) — о вакцине против *коронавирусной инфекции*, имеющей краткосрочный эффект; *пандемиял* (от англ. *pandemial*) — о том, чье детство и юность пришлись на период пандемии *коронавирусной инфекции*; *твиндемия* (от англ. *twindemic*) — смесь *коронавируса* и гриппа; из нем. яз., ср.: *хамствертво* (от нем. *Hamsterkauf* —

«панический покупательский ажиотаж») — о покупательском ажиотаже на продукты первой необходимости в первые недели после объявления пандемии *коронавирусной инфекции*) [3].

ЛЕ создавались и создаются по узуальным и окказиональным моделям, и в общей сложности возникло около 3500 ЛЕ [там же] и словосочетаний, входящих в целостную лексико-семантическую систему, включающую слова различных частей речи: существительные (*вакцина* (шутл.) — об алкогольном напитке как о возможном средстве излечения от *коронавирусной инфекции*), прилагательные (*балконный* — происходящий, осуществляемый на балконах в период строго *карантина* — о пении, домашних концертах и т. п.), глаголы (*закарантинить* (разг.) — ввести *карантин*, обязать соблюдать *карантин*) [там же]. Такие ЛЕ-неологизмы шутливого характера свидетельствуют о тенденции носителей русского языка к минимизации стресса ввиду возникновения продолжительной кризисной ситуации. Отметим, что существует множество способов преодоления и компенсации последствий стресса, увеличения психологических ресурсов человека вследствие преодоления тревожных состояний. Одним из таких способов является применение юмора.

Разнообразна и стилистическая окраска ЛЕ, возникших в период пандемии в речи носителей русского языка, варьирующаяся от официальной до жаргонной. Ключевыми ЛЕ, связанными с тематикой пандемии, в речи носителей русского языка являются *ковид*, *коронавирус*. Прилагательные, образованные от них, — *ковидный*, *коронавирусный* — приобретают разветвленную систему узуальных значений (более 10), количественно превосходящую семантические структуры общеупотребительных слов той же

семантики [там же]. Таким образом, примерно говорить о замещении в речи носителей русского языка целого ряда общеупотребительных слов, связанных со значением «инфекционное заболевание», именно базовой ЛЕ *ковидный*, *коронавирусный* (вместо *гриппозный*, *заразный*, *инфицированный* и проч.).

В период пандемии рассматриваемые европейские языки столкнулись с явлением, фактически, «стихийного словотворчества» и «языковой интуиции» их носителей, что является, по сути, одним из механизмов преодоления последствий стрессовых ситуаций в массовом сознании.

Ввиду этого процесса в речи носителей, в частности, русского языка возникли индивидуально-авторские, окказиональные слова и выражения, например, ЛЕ: *коронавт* (шутл.), имеющая два основных значения, зафиксированных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»: 1. о враче, о медицинском работнике; 2. о том, кто носит средства индивидуальной защиты; *каранте* (шутл.) — о карантине по *коронавирусной инфекции* как об искусстве поведения и о боевой стратегии (контаминация: *карантин* + *карате* (японское боевое искусство); *радиоковидствующий* (пренебр.) — о том, кто информирует в новостях о *коронавирусной инфекции*, обсуждает ее в теле- и радиопрограммах (в речи *ковид-диссидентов*, т.е. людей, отрицающих реальность пандемии); *удалёнец* — о человеке, работающем удалённо в связи с *карантином* по *коронавирусной инфекции*; *цифровирусный*: «*Цифро-вирусная лихорадка*» (Новости высоких технологий Чувашии, 15.06.2020) [там же].

Следует отметить, что в массовом сознании носителей русского языка возникли сомнения в существовании *коронавируса* и *пандемии* как таковой, что

отражено в возникновении таких ЛЕ, как **ковид-диссидент**, **коронанигилист**, **коронаскептик**, **макароновирус**, **фейковир** и т. п. [там же].

Ироничный оттенок имеют ЛЕ-новообразования, отражающие, подчас, скептическое и насмешливое отношение носителей русского языка к ограничениям, призванным остановить распространение **коронавируса**: **алкоизоляция** (об употреблении спиртных напитков как форме досуга и развлечения на **самоизоляции** в период пандемии), **самоарест** (о режиме **самоизоляции**); **шашлык** (о моде, о цепной реакции на пикники в период строгой **изоляции** в начале пандемии **коронавирусной инфекции**) [там же].

Распространение получили также аппозитивные сочетания, не имеющие аналогов в речи носителей других европейских языков: **автор-коронавирусник** (разг. шутл.), **стихи-карантинки** (разг. шутл.), **возовско-китайский**, **лавочно-масочный**, **масочно-безвоздушный**, **пандемийно-антиутиристический**, **дистант-время**, **карантин-активность**, **Ковид Ковидыч** (разг. шутл. в функции имени собств.), **Ковидище Поганое** (разг. шутл. в функции имени собств.). Таким образом, констатируется преобладание ироничного отношения к **пандемии** в сознании носителей русского языка. Устойчивыми выражениями стали разговорные ФЕ **болеть ковидом**, **заразиться ковидом** [там же].

Словосочетание **красная зона** имеет аналоги и в речи носителей других рассматриваемых языков (с тем же значением). Данное словосочетание обозначает медицинские учреждения, сосредотачивающие в себе максимальную нагрузку по лечению и реабилитации пациентов с COVID-19. Цветовая лексика в речи носителей русского языка (имеет аналоги и в речи носителей других рассматриваемых языков) представлена также

кolorонимом — **жёлтый** — характеризующийся средним уровнем распространения заболеваемости **коронавирусной инфекцией** (о стране или регионе), ср.: **жёлтая зона**. В противовес — словосочетание с положительной коннотацией: **чистая больница** — о стационаре, ведущем в период пандемии **коронавирусной инфекции** плановый прием и осуществляющем лечение пациентов с иными заболеваниями в штатном режиме (не имеет эквивалентов в речи носителей других рассматриваемых языков) [там же].

Согласно количественному подсчету новообразований в речи носителей русского языка, наименования **коронавирусной инфекции** представлены 135 ЛЕ, наименования **ковид-диссидентов** — более чем 50. Также в период пандемии возникло около 600 синонимов, семантически связанных с тематикой пандемии COVID-19 [там же]. Таким образом, русский язык оказывается наиболее продуктивным в образовании ЛЕ, обозначающих новые реалии периода пандемии COVID-19.

По данным «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» количественно значимые словообразовательные гнезда с начальными компонентами **корона(вирус)** включают 1105 ЛЕ, **ковид- (COVID-)** — 1074 ЛЕ (ср.: **COVID-активный** — о пациенте, больном **коронавирусной инфекцией**), **карантин** — 258 ЛЕ, **зум (Zoom)** — 226 ЛЕ (ср.: **обеззуметь** (разг. ирон.) — лишиться возможности общаться, учиться, работать при помощи платформы видеоконференций Zoom; остаться без видеосервиса Zoom; **зум-активность**; **ZOOM-бар**) [там же].

Отдельным аспектом, привлекающим внимание лингвистов, в связи с возникающими новообразованиями в речи носителей русского языка, являются фразеологические единицы (далее — ФЕ). По нашим сведениям, такие ФЕ являются

уникальными речевыми образованиями носителей русского языка и не имеют аналогов в речи носителей других рассматриваемых европейских языков. Так, вирусолог, академик Ф.И. Ершов в газете «Московский комсомолец» пишет о «ковидных» *антипословицах* следующее: «Народный фольклор и чувство юмора всегда помогали людям переживать даже самые тяжелые времена. Поэтому в период пандемии родилось много мемов, пословиц и анекдотов... Когда пандемия COVID-19 была в самом разгаре и было, на первый взгляд, не до шуток, юмор как вечный «спасательный круг» российского человека помогал людям жить» (30.08.2020).

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» отмечается несколько семантически интересных примеров ФЕ — *антипословиц, антипоговорок и антифраз*, свидетельствующих об ироничном отношении к пандемии, отраженном в языковом сознании носителей русского языка, строящихся на уже известных и зафиксированных в языке выражениях: *Вирус не воробей, вылетит — не поймашь; Незванный гость — хуже инфицированного; Вирус в бороду — пневмония в ребро; Обещанной вакцины три года ждут; А ВОЗ и ныне там; Любишь кататься — люби и масочки носить; Мал санитарзер, да дорог; Сдай, сверчок, свой мазок!; Бойся китайцев, дары приносящих* [там же]. Значимыми смысловыми компонентами в данных ФЕ являются ЛЕ, отражающие основные реалии пандемии COVID-19: *вирус, инфицированный, пневмония, вакцина, ВОЗ, масочки, санитарзер, мазок, китайцы*. Примечательным является употребление носителями русского языка уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк-*, свидетельствующего, например, об ироничном отношении к маске как повсеместному и необходимому средству индивидуальной

защиты, а также устоявшихся лексических компонентов, что способствует звучности, запоминаемости и злободневности этих *антипословиц* и *антипоговорок*. Подчеркнем, что данный аспект заслуживает отдельного рассмотрения в рамках научной статьи.

С начала пандемии COVID-19 в речи носителей французского языка появилось значительное количество неологизмов, а уже существующие ЛЕ расширяют свою семантику — принимают либо новые значения, либо «обретают вторую жизнь», переходя из области узкоспециальной терминологии, в частности, медицинской, в общелитературный язык. Такие ЛЕ, зачастую, выступают наименованиями новых реалий и привычек, возникших во французском обществе в период пандемии. Следует отметить, что ряд ЛЕ, которые прежде, до периода *локдауна*, относились преимущественно к медицинской или же юридической терминологии, и были известны и понятны лишь узкому кругу специалистов данных областей, в период пандемии COVID-19 распространяются в повседневной речи и в СМИ, получая массовое употребление. Иными словами, данные ЛЕ приобретают статус неологизмов в общелитературном французском языке.

Исследователь Н.Н. Бузунов в статье «Новая лексика и факторы ее появления во французском языке в период пандемии Covid-19» рассматривает особенности функционирования в речи французов медицинского термина *confinement (m.)*. До пандемии COVID-19 рассматриваемая ЛЕ имела медицинское значение — «запрещение больному, инфицированному какой-либо болезнью, выходить из дома», а также юридическое — «заточение в одиночной камере». В период пандемии COVID-19 ЛЕ, фактически, «обрела новую жизнь» и широко распространилась

в повседневной речи и СМИ уже в новом значении — «режим самоизоляции, самоизоляция во избежание заражения коронавирусом». Кроме того, от терминологической ЛЕ **confinement (m.)** было образовано несколько неологизмов-derivатов: **déconfinement (m.)** — «выход из режима самоизоляции», **se déconfiner** — «выйти из режима самоизоляции», **reconfinement (m.)** — «повторный переход к режиму самоизоляции», **s'enconfiner** — «соблюдать режим самоизоляции» [8, с. 104; 9]. Данные единицы не имеют аналогов в речи носителей других рассматриваемых европейских языков.

«Вторую жизнь» в речи французов получили и медицинские терминологические ЛЕ **anosmie (f.)** — «частичная потеря обоняния», **asymptomatique** — «бессимптомный», **anxiogène** — «вызывающий тревогу», **comorbidité (f.)** — «наличие симптомов сразу нескольких заболеваний одновременно» [8, с. 104; 9].

В сознании французов укореняются следующие контекстуальные терминологические словосочетания: **patient zéro (m.)** — «первый человек, заразившийся коронавирусом» и заимствованный англицизм **contact tracing (m.)** — «поиск людей, с которыми контактировал **patient zéro** и выявление процента заразившихся» [8, с. 104; 9].

Следует также отметить, что для сознания французов характерен навязчивый, панический страх заболеть COVID-19, что поспособствовало появлению в их речи терминологической ЛЕ, обозначающей данное явление — **paranovirus (m.)** (*paranoïa*+*coronavirus*) — «параноидальная боязнь заболеть коронавирусом», а для номинации человека, подверженного данной разновидности психического расстройства, возник термин **hypoconfiniaque (m.)** (*hypocondriaque*+*confinement*). Обилие ложной информации в СМИ,

связанной с нагнетанием страха перед пандемией COVID-19, послужило причиной укоренения в сознании французов ЛЕ **infodémie (f.)** (*information*+*épidémie*) — «распространение ложной информации о COVID-19» [10]. Данная ЛЕ также употребляется и носителями русского, английского и немецкого языков.

Следует отметить, что в сознании французов формируются как ЛЕ, подчеркивающие фактическую информацию — суффиксальное образование **covidé** — «зараженный Covid-19» (по аналогии с уже существующим **grippé** — «зараженный вирусом гриппа»), но также и указывающие на недоверие к ограничительным мерам — префиксальное образование **antimasque (m.)** — «человек, протестующий против масочного режима» [8, с. 105; 11]. В сознании носителей русского языка укоренились аналогичные ЛЕ: **ковидный** (разг., зараженный коронавирусной инфекцией), **антимаскер** (о противнике ношения медицинских масок — заимств. из английского языка (*anti-masker*)) [3].

Также в речи французов возникло множество ЛЕ, образованных от общей основы **covid**, что также проявляется и у носителей других рассматриваемых европейских языков, в частности, русского; либо **corona-(virus)**: **covidiot (covid+idiot) (m.)** — «человек, пренебрегающий правилами самоизоляции, ковид-диссидент»; его дериват — **covidiotie (f.)** — «пренебрежение правилами самоизоляции»; **covidiome (m.)** — «слово или выражение, отражающее тематику пандемии»; **covidéprimer (covid+déprimer)** — «находиться в депрессии во время самоизоляции», **mélancovid (m.)** — «меланхолия, вызванная пребыванием в самоизоляции» [8, с. 105; 12]. Таким образом, можно говорить о возникновении в языковом сознании французов отдельного семантического

поля значений, объединенных общей семой **covid**.

Кроме того, в речи французов отмечается появление немалого количества примеров новообразований, иронично обыгрывающих новые реалии как в бытовой жизни, так и в рабочей сфере: **immobésité (f.)** (*immobilité+obésité*) — «ожирение вследствие малоподвижного образа жизни», **solidaritude (f.)** (*solidarité+solitude*) — «совместная поддержка друг друга во время самоизоляции», **se télésaluer** — «приветствовать друг друга в удаленном режиме (напр. при работе в Zoom)», **faire des télépauses** — «делать паузы во время дистанционной работы», **se télédéconnecter** — «отключиться по завершении работы в дистанте», **zoomposium (m.)** (*zoom+symposium*) — «совещание в Zoom» [8, с. 105; 11].

В период пандемии время отпуска приходится вынужденно проводить либо дома, либо недалеко от дома, в связи с чем в речи французов возникли ЛЕ **homezage (m.)** (от английского слова *home* (дом) и французского **bronzage (f.)** (*загар*)) — «принятие загара дома (или рядом с домом); ирон. «праздное времяпрепровождение дома». Интересен тот факт, что длительное совместное проживание супругов в домашней *изоляции* нередко приводит к разводу, что породило в языковом сознании французов ЛЕ с шутливым, ироничным оттенком — **covidivorce (m.)** (*covid+divorce*) [8, с. 105].

Ироничный оттенок в сознании французов приобретают ЛЕ, обозначающие мероприятия, сборища, предполагающие большое скопление людей, но проходящие с ограничениями в период пандемии COVID-19. Так, например, празднование дней рождения послужило причиной появления ЛЕ **coronanniversaire (m.)** (*coronavirus+anniversaire*). Также возникли ЛЕ, обозначающие «совместные

посиделки с алкоголем с друзьями в дистанционном режиме»: **whatsappéro (m.)**, **skypéro (m.)**, **coronapéro (m.)** (*whatsapp\skype\coronavirus+apéro*), **apéronavirus (m.)** (*apéro+coronavirus*) [9], где *apéro (m.)* — это ставшее уже расхожим сокращение от *apéritif (m.)* в значении «дружеские посиделки с алкоголем». В речи носителей русского языка аналогичную ситуацию отражают ЛЕ **вакцина** (об употреблении спиртных напитков в качестве возможного «лекарства» от коронавируса) и **алкоизоляция** (ирон. форма выражения «досуга» в период вынужденной самоизоляции, подразумевающего употребление спиртных напитков).

Ограничения на посещение кафе и ресторанов «обогатили» языковое сознание французов ЛЕ **quarantini (m.)** (*quarantaine+martini*) и **locktail (m.)** (*lockdown+cocktail*), обозначающими приготовленные в домашних условиях «мартини» и «коктейль» в период вынужденного локдауна [Ibidem]. Таким образом, происходит, фактически, метафоризация привычных значений.

Отдельного рассмотрения заслуживают словосочетания, заимствованные французским языковым сознанием из английского языка. Эти единицы коснулись и досуговой сферы молодежи (**cloud rave** — «диджейский сет, транслируемый онлайн», **lockdown parties** — «вечеринки, которые организуются онлайн (например, в социальных сетях)»), и рабочей/учебной деятельности (**zoombombing (n.)** — «вмешательство, вторжение постороннего лица в Zoom-конференцию (на рабочее совещание или на занятие в Zoom)). В речи носителей многих европейских языков появляется терминологическая ЛЕ **clapping (n.)**, обозначающая общественное явление, предполагающее массовый вечерний выход людей на балконы и аплодирование врачам за их тяжелый труд [13] — заимств.

из английского языка. Кроме того, в речи французов укоренилась ЛЕ-англицизм **superspreader (m.)** (досл. «суперраспространитель») — «человек, заразивший коронавирусом очень большое количество людей» в связи с возрастающим количеством заболевших COVID-19 [9]. Носители русского языка также переняли эту ЛЕ в переводном варианте — «суперраспространитель». В языковом сознании немцев рассматриваемая ЛЕ упрочилась без изменений в качестве прямого заимствования из английского языка.

В статье «Эволюция концептуальных метафор с областью-мишенью “Coronavirus/Pandemic” в современном английском языке (на материале колонки главного редактора британской газеты “The Guardian”)» исследователи М.А. Кузина, Т.В. Буденко, И.Н. Зиновьева и С.Ю. Степанова рассматривают пандемию COVID-19 в качестве экстралингвистической ситуации-катализатора [3, с. 60]. Так, в речи носителей английского языка в период пандемии укоренились оригинальные метафоры в то время, как некоторые уже существующие получили «вторую жизнь». Отдельного рассмотрения заслуживают возникшие в среде носителей английского языка неологизмы с корнями **corona(virus) (m.)**, **iso(lation) (f.)**, **quarant(in)e (m.)**, а также особенности расширения валентности ряда существующих ЛЕ, ср. словосочетания: **isolation hotel** — «отель, предназначенный для соблюдения режима обязательной самоизоляции», **isolation cooking** — «процесс приготовления пищи в период соблюдения режима самоизоляции», **Trump flu** — «грипп Трампа» (ирон. представление коронавируса), **Wuhan Clan** — «Уханьский клан» (ирон. намек на лабораторное происхождение коронавируса), **lockdown neighbours** — «соседи, с которыми человек видится чаще ввиду всеобщей

самоизоляции в период локдауна», **quarantine shaming** — «общественное порицание за несоблюдение карантина» [14; 15].

Лексикографы **Oxford Languages** проанализировали более 11 миллиардов ЛЕ, возникших в речи носителей английского языка, в результате чего был образован приблизительный перечень слов, связанных с коронавирусом [16].

Приблизительный корпус ЛЕ, возникших в речи носителей английского языка в период пандемии COVID-19, можно разделить на следующие подгруппы:

1. **coronavirus, COVID-19** и слова, производные от них;
2. **pandemic and other demics** (слова, связанные с пандемией COVID-19 и оканчивающиеся на дериват **-demics**);
3. **social distancing, lockdown, and other measures** (социальная дистанция, изоляция и другие меры);
4. **masks and coverings** (маски);
5. **epidemiological terms** (эпидемиологические термины);
6. **on the frontline** (на передовой) [Ibidem].

К первой подгруппе относятся следующие ЛЕ: **corona, rona** (разг. сокр.), **pre-Covid (m.)** — «доковидный» (о периоде времени), **post-covid (m.)** — «постковидный» (о периоде времени), **pre-coronavirus (m.)** — «докоронавирусный» (о периоде времени), **post-coronavirus (m.)** — «посткоронавирусный» (о периоде времени) (синонимы, заимств. в русский и немецкий языки), **BC (humorous “before Covid”)** — ирон. «до ковида» (по аналогии с «до нашей эры»), **covidiot (m.)** — «ковидиот», также во французском языке — «тот, кто игнорирует пандемию и ограничения, препятствующие распространению коронавирусной инфекции», **coronials** — букв. «корониалы» — «те, кто родился в период пандемии; тот, чье

детство пришлось на период пандемии» (по аналогии с «миллениалы» — терм. ЛЕ, возникшей в теории поколений) [16].

Ко второй подгруппе можно отнести ЛЕ: **infodemic (f.)** — «инфодемия», т.е. намеренное нагнетание ажиотажа вокруг пандемии, преувеличение, упоминание ложных сведений о ней в СМИ», (также в русском и французском языках), **plandemic (f.)** — «пландемия», т.е. запланированная пандемия» (в речи «ковид-диссидентов»), **twindemic** — «одновременное течение двух пандемий (коронавируса и гриппа)» [Ibidem].

Третья подгруппа содержит ЛЕ и словосочетания: **social distancing** — «социальное дистанцирование» (заимств. в немецкий язык), **physical distancing** — «физическое дистанцирование» (синонимы), **lockdown (m.)** — «локдаун, вынужденный режим самоизоляции», **shelter-in-place** — «самоизоляция, карантин», **stay-at-home** — букв. «домашний режим», **reopening (n.)** — «возобновление работы учреждений и магазинов после окончания локдауна», **easing (n.)** — «смягчение ограничений, препятствующих распространению коронавируса», **handwashing (n.)** — «мытьё рук», **deep cleaning** — «дезинфекция» [Ibidem].

В четвертую подгруппу входят ЛЕ и словосочетания: **face mask** — «лицевая маска», **face covering** — «лицевая маска», **face shield** — «защитная маска» (синонимы), **maskless (m.)** — «о том, кто не носит маску», **unmasked (m.)** — «о том, кто не носит маску» (синонимы), **mask-up** — букв. «поднять маску», **anti-mask (m.)** — букв. «антимаска» — о противниках ношения медицинских масок», **anti-masker (m.)** — «антимаскер» — о противниках ношения медицинских масок» (синонимы), **mask-shaming (n.)** [Ibidem]. ЛЕ **mask-shaming** имеет два противоположных значения:

1. порицание тех, кто не носит маски;
2. порицание тех, кто носит маски.

Носителями русского языка была заимствована ЛЕ **антимаскер**, а для наименования противоположного значения в речи возникло слово **замасочник** (в речи ковид-диссидентов).

К пятой подгруппе относятся ЛЕ и словосочетания: **armchair epidemiologists** — букв. «диванные эпидемиологи» — простые обыватели, рассуждающие о пандемии», **flatten the curve** — букв. «сгладить кривую» — представить сниженную статистику заболеваемости коронавирусом», **superspreader events** — «случаи массового заражения «суперраспространителем», **superspreader (m.)** [Ibidem] — букв. «суперраспространитель», заимств. в исходном виде носителями французского языка, а также русского — в переводе).

К шестой подгруппе можно отнести ЛЕ и словосочетания: **PPE (personal protective equipment)** — «средства индивидуальной защиты»; в речи носителей русского языка — **средства индивидуальной защиты**), **key workers** — «специалисты, востребованные в период пандемии», **essential workers, frontline workers** (синонимы), **anti-vaxxer (m.)** — «о противнике обязательной вакцинации» [Ibidem] (заимств. в исходном виде носителями русского языка — **антиваксер**).

Лексикографы словаря **Merriam-Webster** составили собственный список ЛЕ и словосочетаний-новообразований, возникших в речи носителей английского языка в период пандемии COVID-19. Данные единицы можно объединить в следующие семантические группы:

1. Повседневная жизнь, межличностные отношения (49%); например, **Blursday (m.) (n)** — «день недели, неотличимый от любого другого» (в период самоизоляции) [17]. Подобная ЛЕ-новообразование

возникла и в речи французов — **lundimanche (m.)** — «один, одинаковый, повторяющийся день, в который превратились все дни недели вовремя локдауна». **Self-quarantine (m.)** — «период самоизоляции для предотвращения распространения болезни». **Quarantrends** — «занятия, распространенные у людей на карантине» [Ibidem].

2. Наука и медицина (21%); например, **superspreader (m.)** (n) — «человек, инфицированный (патогенным) микроорганизмом, передающий его необычайно большому количеству других людей» [Ibidem]. ЛЕ была заимствована французами и носителями немецкого языка без изменений, а также носителями русского языка в переводном варианте — **суперпространитель**.

3. Образование, работа, технологии (17%); **In-person** — «лично». **Frontliner (m.)** — «специалист, востребованный в период пандемии». **Zoombombing (n.)** (n) — «практика проникновения во время видеоконференций в приложении Zoom и публикации насильственного, порнографического или оскорбительного контента» [Ibidem].

4. Взгляды и убеждения людей (10%); например, **anti-masker (m.)** — «человек, выступающий против ношения масок» [Ibidem]; заимств. носителями русского языка без изменений — **антимаскер; корона-убер** — «люди, не принимающие коронавирус всерьез, выходящие на улицы и распространяющие инфекцию» [Ibidem]. В речи носителей русского языка упрочилось понятие **ковид-диссидент**, т. е. «лицо, отрицающее существование пандемии COVID-19».

5. Искусство и массовая культура (3%). Например, **coronacellations** — «отмена любых спортивных соревнований, театральных представлений в период локдауна» [Ibidem].

Пандемия COVID-19 достаточно радикально меняет мир, порождая в речи носителей рассматриваемых европейских языков новые ЛЕ, назначение которых — номинация связанных с ней новых явлений и понятий. Известный германист Л.А. Нефедова в статье «О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке» пишет, что «особенность такой лексики — ее дискурсивная маркированность, функционирование в качестве маркеров дискурса *коронавирусной пандемии*» [18].

Так, сотрудники Института немецкого языка в Мангейме (IDS Mannheim) составили словарь новой лексики, отражающей современную аномальную *коронавиртуальную реальность* как в публичном, так и в разговорном дискурсе. ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка в период пандемии COVID-19, достаточно необычны и в плане выражения, и в плане содержания. В денотативном значении ЛЕ присутствует сема, указывающая на их принадлежность к периоду пандемии COVID-19, например: **Nacktnase (m.)** — досл. «голый нос» как обозначение человека, который носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот». Данная ЛЕ возникла в речи носителей немецкого языка, но отсутствует в сознании носителей русского, французского и английского языков. Глагольная ЛЕ **zoomen** — «зумиться» (данная единица появилась и в речи носителей русского языка в адаптированном виде) имеет значение «общаться и работать с программным обеспечением для видеоконференций Zoom». Рассматриваемая ЛЕ возникла в речи носителей рассматриваемых европейских языков по причине широкого распространения видеоконференцсвязи в период режима *социальной дистанции* [5].

В период пандемии COVID-19, охватившей временной промежуток двух лет

(2020–2021 гг.), в речи носителей рассматриваемых европейских языков возникло огромное количество новых ЛЕ и словосочетаний, необходимых для обозначения изменившихся реалий современного мира. Основное влияние на формирование новой лексики и понятий в повседневной речи оказал период *локдауна* и *социальной дистанции*, получивший наименование, так называемой, «*новой нормальности*».

Л.А. Нефедова в статье «Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг.» указывает, что носители немецкого языка характеризуют означенный период *годами пандемии* (нем. *Pandemiejahre*) [20, с. 152].

Пандемия COVID-19 достаточно радикально меняет мир, порождая новые ЛЕ, назначение которых — номинация связанных с ней новых явлений и понятий. Известный германист Л.А. Нефедова в статье «О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке» пишет, что «особенность такой лексики — ее дискурсивная маркированность, функционирование в качестве маркеров дискурса *коронавирусной пандемии*» [18].

Так, сотрудники Института немецкого языка в Мангейме (IDS Mannheim) составили словарь новой лексики, отражающей современную аномальную *коронавирусную реальность* как в публичном, так и в разговорном дискурсе. ЛЕ, возникшие в немецком языке в период пандемии COVID-19, достаточно необычны и в плане выражения, и в плане содержания. В денотативном значении ЛЕ присутствует сема, указывающая на их принадлежность к периоду пандемии COVID-19, например: *nacktnase (m.)* — *досл. «голый нос» как обозначение человека, который носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот*. Данная ЛЕ возникла в немецком

языке, но отсутствует в русском, французском и английском. Глагольная ЛЕ *zoomen* — «*зумиться*» (данная единица появилась и в русском языке в адаптированном виде) имеет значение «*общаться и работать с программным обеспечением для видеоконференций Zoom*». Рассматриваемая ЛЕ возникла в европейских языках по причине широкого распространения видеоконференцсвязи в период режима *социальной дистанции* [19].

В период пандемии COVID-19, охватившей период двух лет (2020–2021 гг.), возникло огромное количество новых ЛЕ и словосочетаний, необходимых для обозначения изменившихся реалий современного мира. Основное влияние на формирование новой лексики оказал период *локдауна* и *социальной дистанции*, получивший наименование так называемой «*новой нормальности*».

Л.А. Нефедова в статье «Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг.» указывает, что в немецкой лингвокультуре означенный период называют *годами пандемии* (нем. *pandemiejahre*) [20, с. 152].

Немецкие исследователи также составили электронный словарь неологизмов *owid.de*, в котором зафиксированы новые ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка в период пандемии COVID-19 — «*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*» [18]. Так, носители немецкого языка заимствовали целый ряд англицизмов, однако процент прямых заимствований в словаре неологизмов *owid.de* не столь высок и составляет лишь 7% от общего количества рассматриваемого лексического пласта (85 слов и 19 словосочетаний из 1458). Носителями немецкого языка были заимствованы следующие ЛЕ-англицизмы: *Breakoutroom (f.)* — «*комната отдыха*», *Homeworking (f.)* — «*работа на дому*», *Home-Work-out* —

«домашняя тренировка», **Onlineparty (f.)** — «онлайн-вечеринка», **Open-Air-Party (f.)** — «вечеринка на открытом воздухе», **overzoomed (m.)** — «человек, переработавший в Zoom», **Superspreader (m.)** — «суперраспространитель», **Smart-office (m.)** — «умный» офис», **Watchparty (f.)** — «вечеринка, проводимая с соблюдением ограничений, введенных в период пандемии коронавируса» [21].

Интерес для рассмотрения представляют ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка с целью номинации правил поведения, препятствующих распространению коронавирусной инфекции посредством чихания и кашля: **Niesetikette (m.)** досл. — «чихэтикет» (языковая игра), **Hustenetikette (m.)** — досл. — «кашель-этикет». ЛЕ **HustNies-Etikette (m.)** и **Hust-und-Nies-Etikette (m.)** предписывают чихать и кашлять так, чтобы не распространять коронавирусную инфекцию [20, с. 158].

Для носителей немецкого языка также характерно ироничное представление некоторых реалий периода пандемии COVID-19, что сближает их с носителями русского и французского языков: *маска*, которую носят на подбородке — **Kinnwärmer (m.)** — букв. «обогреватель для подбородка», шутивное обозначение самодельной маски — **Gesichtskondom (m.)** — букв. «лицевой презерватив»; нейтральное обозначение того же явления — **Communitymaske (f.)**, уничижительное — **Coronalappen (f.)** — букв. «коронавирусная тряпка», **Maulkorb (f.)** — «намордник» (в речи ковид-диссидентов), «необычная маска (с принтами, рисунками, дизайном)» — **Mask-have (f.)** [там же, с. 159].

Следует отметить, что носители немецкого языка в период пандемии COVID-19 посредством метафоризации стали создавать ЛЕ, отражающие подчеркнuto ироничное, высмеивающее

отношение к ограничительным мерам, например: **Seuchensheriff (m.)** — «политик, обвиняемый в принятии преувеличенных мер по сдерживанию и контролю пандемии COVID-19»; **Hygieneritter (m.)** — «человек, особенно тщательно соблюдающий правила гигиены во время пандемии COVID-19»; **Nacktnase (m.)** — досл. «голоносый», т. е. человек, носящий маску, закрывая только рот»; **Balkonklatscher (m.)** (пренебр.) — «тот, кто выражает солидарность или признательность другим людям, работающим на открытой площадке здания, хлопая в ладоши»; **Klopapierhamster (m.)** — «тот, кто делает огромные запасы туалетной бумаги в период локдауна» [там же].

Так, в речи носителей немецкого языка укореняются слова, нашедшие отражение и в сознании носителей русского и французского языков, например: **Panikdemie (f.)** — «паникдемия», **Covidiot (m.)** — «ковидиот», **Coronoia (m.)** — «коронойя» [там же].

В период пандемии COVID-19 в речи носителей немецкого языка возникли и новые ФЕ, представляющие собой атрибутивные словосочетания с определяющим компонентом **Corona: Jahrgang Corona, Generation Corona** — «поколение выпускников учебных заведений во время пандемии коронавируса» (**Coronageneration**), **Zeugen Coronas** — «свидетели коронавируса» (в речи ковид-диссидентов) [там же, с. 160].

ФЕ-цветообозначения существуют и в речи носителей немецкого и русского языков. Так, ФЕ с ЛЕ **Zone (f.)** (зона) сочетаются с устоявшимися колоронимами, обозначениями цветов светофора (зеленый = безопасный, красный = опасный): **grüne Zone** — «район с низким уровнем инфицирования» (в русском языке — *зелёная зона*), **gelbe Zone** — «район со средним уровнем инфицирования» (русс. *жёлтая зона*), **rote Zone** — «район с

высоким уровнем эпидемиологической угрозы, с высоким риском заражения» (русск. **красная зона** — также «ковидный госпиталь, несущий максимальную нагрузку по лечению и реабилитации больных коронавирусом инфекцией»). **Grüner Pass** — «зеленый паспорт» — (электронный) паспорт, подтверждающий вакцинацию от COVID-19; **schwarze Stufe** — «черная ступень» — «момент в процессе массового заражения COVID-19, когда пороговое значение новых инфекций на 100 000 жителей в одном регионе составляет более 200 чел.»; **blaue Reise** — «голубой круиз» — круиз без выхода на берег в период пандемии COVID-19» [там же].

Таким образом, в период пандемии COVID-19 носители европейских языков, в частности, носители русского, французского, английского и немецкого языков небывалым образом пополнили свою речь новыми ЛЕ, а термины, ранее известные

лишь узкому кругу специалистов в области медицины, получают широкое распространение и в СМИ, при этом приобретая новые актуальные значения. Следует отметить, что сознание носителей русского языка отличается наибольшей восприимчивостью и продуктивностью в отношении ЛЕ-новообразований ироничного, шуточного характера в сравнении с языковой картиной мира французов и англоговорящих. Носители немецкого языка также включили в свою речь ЛЕ и словосочетания с ироничным оттенком.

Причинами появления огромного количества неологизмов в речи носителей рассматриваемых языков являются как необходимость номинации новых явлений и практик, с которыми приходится иметь дело в различных сферах жизни, так и потребность несколько смягчить, юмористически обыграть тяжелый характер кризисной ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Археология знания. М., 1996. 213 с.
2. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 229 с.
3. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
4. Овчинникова, И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. Пермь-Люблина, 2009. № 2. С. 256–280.
5. Стернин, И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 57–63.
6. Тогоева, С.И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь, 1999. С. 75–101.
7. Шанский М.Н. Лексикология современного русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 304 с.
8. Бузунов, Н.Н. Новая лексика и факторы ее появления во французском языке в период пандемии Covid-19 // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции. М., 2021. С. 103–107.
9. Tour d'horizon. Skypéro, positivité, présentiel... Les mots du(re)confinement. URL: <https://www.lecourriercauchois.fr/actualite-266265-tour-dhorizon-skypero-positivite-presentiel-les-mots-du-re-confinement> (дата обращения: 25.12.2021).

10. Les nouveaux mots nés pendant le confinement. URL: <https://www.consoglobe.com/nouveaux-mots-confinement-cg> (дата обращения: 25.12.2021).
11. Le Dicovid: un outil pour déchiffrer le vocabulaire de la pandémie. URL: <https://www.dicopathe.com/le-dicovid-un-outil-pour-dechiffrer-levocabulaire-de-lapandemie/> (дата обращения: 25.12.2021).
12. Les maux et les mots de la (du?) COVID-19. URL: <https://l-express.ca/lesmaux-et-les-mots-de-la-du-covid-19/> (дата обращения: 25.12.2021).
13. Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 25.12.2021).
14. Кузина, М.А. Эволюция концептуальных метафор с областью-мишенью “Coronavirus/Pademic” в современном английском языке (на материале колонки главного редактора британской газеты “The Guardian”) / М.А. Кузина, Т.В. Бутенко, И.Н. Зиновьева, С.Ю. Степанова // Казанская наука. 2020. № 6. С. 60–62.
15. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 25.12.2021).
16. Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения: 05.01.2022).
17. Lundimanche, apérué, coronabdos... les nouveaux mots du confinement. URL: https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-duconfinement_6037915_4497916.html (дата обращения: 25.12.2021).
18. Нефедова, Л.А. О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик. Тезисы докладов II Международной конференции. М.: МГЛУ, 2021. С. 95–96.
19. Нефедова, Л.А., Поляков, О.Г. Заимствованные устойчивые словосочетания из английского языка: прямые заимствования или кальки? (на материале современного немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (46). С. 139–143.
20. Нефедова, Л.А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 151–166.
21. Meriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriamwebster.com/> (дата обращения: 05.01.2022).

REFERENCES

1. Foucault, M. *Arheologiya znaniya* [L'Archéologie du Savoir]. Moscow, 1996, 213 p. (in Russ.)
2. Vajsgerber, J.L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native Language and the Formation of the Spirit]. Moscow, 1993, 229 p. (in Russ.)
3. *Slovar russkogo yazyka koronavirusnoj epohi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era], comp. H. Valter, E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, S.D. Levina, V.M. Mokienko, A.S. Pavlova, M.N. Priemysheva, Yu.S. Rideckaya. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanij Rossijskoj akademii nauk, 2021, 550 p. (in Russ.)
4. Ovchinnikova, I.G. Dialog subkultur (koncepty dengi i biznes v soznanii molodyh rossiyan) [Dialogue of Subcultures (The Concepts of Money and Business in the Minds of Young Russians)]. Perm-Lyublyana, 2009. No. 2, pp. 256–280. (in Russ.)

5. Sternin, I.A. K razrabotke psiholingvističeskogo tolkovogo slovary [On the development of a psycholinguistic explanatory dictionary]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 2010, pp. 57–63. (in Russ.)
6. Togoëva, S.I. Novoe slovo: podhody i problemy [New word: approaches and problems]. In: *Psiholingvističeskie problemy funkcionirovaniya slova v leksikone čeloveka* [Psycholinguistic Problems of the Functioning of the Word in the Human Lexicon]. Tver, 1999, pp. 75–101. (in Russ.)
7. Šanskij, M.N. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka [Lexicology of the Contemporary Russian Language]. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 304 p. (in Russ.)
8. Buzunov, N.N. *Novaya leksika i faktory ee pojavleniya vo francuzskom yazyke v period pandemii Covid-19* [New Vocabulary and Factors of Its Appearance in the French Language During the Covid-19 Pandemic]. In: *Yazyk i dejstvitel'nost. Nauchnye čteniya na kafedre romanskih yazykov im. V.G. Gaka* [Language and Reality. Scientific Readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak]: Collection of Articles on the Results of the VI International Conference. Moscow, 2021, pp. 103–107. (in Russ.)
9. *Tour d'horizon. Skypéro, positivité, présentiel... Les mots du(re)confinement*. Available at: <https://www.lecourriercauchois.fr/actualite-266265-tour-dhorizon-skypero-positivite-presentiel-les-mots-du-re-confinement> (accessed: 25.12.2021).
10. *Les nouveaux mots nés pendant le confinement*. Available at: <https://www.consoglobe.com/nouveaux-mots-confinement-cg> (accessed: 25.12.2021).
11. *Le Dicovid: un outil pour déchiffrer le vocabulaire de la pandémie*. Available at: <https://www.dicopathe.com/le-dicovid-un-outil-pour-dechiffrer-levocabulaire-de-lapandemie/> (accessed: 25.12.2021).
12. *Les maux et les mots de la (du?) COVID-19*. Available at: <https://l-express.ca/lesmaux-et-les-mots-de-la-du-covid-19/> (accessed: 25.12.2021).
13. *Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. Available at: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed: 25.12.2021).
14. Kuzina, M.A., Butenko, T.V., Zinoveva, I.N., Stepanova, S.Yu. Evolyuciya konceptualnyh metafor s oblasti-mishenyu “Coronavirus/Pademic” v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale kolonki glavnogo redaktora britanskoj gazety “The Guardian”) [Evolution of Conceptual Metaphors with the Target Area “Coronavirus/Pademic” in Modern English (Based on the Column of the Editor-in-Chief of the British Newspaper “The Guardian”)], *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2020, No. 6, pp. 60–62. (in Russ.)
15. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/> (accessed: 25.12.2021).
16. *Oxford Languages*. Available at: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (accessed: 05.01.2022).
17. *Lundimanche, apérie, coronabdos... les nouveaux mots du confinement*. Available at: https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-duconfinement_6037915_4497916.html (accessed: 25.12.2021).
18. Nefedova, L.A. O diskursivnoj markirovannosti “koronnoj” leksiki v sovremennom nemeckom yazyke [On the Discursive Labeling of the “Crown” Vocabulary in the Modern German Language]. In: *Lingvokulturnye aspekty globalizacionnyh processov: sociokulturnyj kontekst i dinamika rečevyh praktik* [Linguocultural Aspects of Globalization Processes: Sociocultural Context and Dynamics of Speech Practices: Abstracts of the II International Conference]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet, 2021, pp. 95–96. (in Russ.)

19. Nefedova, L.A., Polyakov, O.G. Zaimstvovannye ustojchivye slovosochetaniya iz anglijskogo yazyka: pryamye zaimstvovaniya ili kalki? (na materiale sovremennogo nemeckogo i russkogo yazykov) [Borrowed Stable Phrases from the English Language: Direct Borrowings or Tracing Paper? (Based on the Material of Modern German and Russian Languages)], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2015, No. 4–2 (46), pp. 139–143. (in Russ.)
20. Nefedova, L.A. Aktivnye processy v leksike nemeckogo yazyka 2020–2021 gg. [Active Processes in the Vocabulary of the German language 2020–2021], *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* = Crede Experto: Transport, Society, Education, Language, 2021, No. 3, pp. 151–166. (in Russ.)
21. *Meriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriamwebster.com/> (accessed: 05.01.2022).

Ананьина Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, ts.ananina@mpgu.su

Tatyana S. Ananina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, ts.ananina@mpgu.su

Тимофеева Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, aa.timofeeva@mpgu.su

Anastasiya A. Timofeeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, aa.timofeeva@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 25.02.2022. Принята к публикации 24.06.2022

The paper was submitted 25.02.2022. Accepted for publication 24.06.2022